

монетные дворы в провинциальных городах. В 1204—1453 гг. административная система Византии упрощается и окончательно исчезают различия между императорской сокровищницей (вестиарием) и казначейством (р. 441—442, 445—446). Деятельность столичного монетного двора прослеживается вплоть до падения Константинополя в 1453 г.

В главе об истории монетной системы (р. 448—551) М. Ф. Хенди выделил пять периодов ее развития: 284—491, 491—717, 717—1081, 1081—1341, 1341—1453 гг. Первый из них характеризуется стандартизацией веса золотой монеты в 286 г. и стабилизацией серебряной, биллонной и медной монеты. К началу периода 491—717 гг. в монетной системе Византии наметился разрыв между монетами из драгоценных и неблагородных металлов. Как известно, сложившееся положение подрывало основы биметаллизма денежной системы ранней Византии. Массовая эмиссия мелкой медной монеты при Анастасии ускорила крушение биметаллизма⁷. М. Ф. Хенди подчеркивает позитивность проведения реформы Анастасия (р. 475—477). Большое внимание уделено проблеме распространения легкой золотой монеты, ухудшения ее пробы и изменения формы. Затронувший Византию «серебряный голод» сопровождался сокращением эмиссии серебряной монеты, значительными колебаниями веса медного фолла и чеканкой неполноценной номисмы. Полноценная золотая монета («номисма-хистамена») исчезает из обращения. Ее нарицательный курс превращается в счетную единицу (р. 511—512). Реформа Алексея I преобразовала монетную систему и обеспечила ее стабильность. После восстановления Византийской империи в 1261 г. наблюдается постепенное ухудшение качества номисмы. Попытка фискальной реформы 1321 г. Андроника II Палеолога не приостановила процесс разрушения созданной при Алексее I монетной системы и вскоре совершается переход к другой, основанной на серебряной чеканке.

Предшественники М. Ф. Хенди, в частности Д. М. Меткалф и Ф. Гриерсон, относят эту реформу ко временам Андроника IV (1376—1379), а С. Бендалл и

П. Доналд выпуск новой серебряной монеты и первый этап реформы датируют 1355—1376 гг.⁸ В свою очередь, М. Ф. Хенди предполагает, что первая попытка перехода к системе, построенной на обращении серебряной монеты, была предпринята Андроником III и оказалась безрезультатной. Эта задача была разрешена Иоанном V Палеологом, вероятно в 1366—1367 гг. Возможно, что какой-то промежуток времени серебряные монеты Андроника III и Иоанна V существовали (р. 545).

М. Ф. Хенди приводит очерк о денежной единице, известной в итальянских документах XIII—XV вв. под названием «sommo». В новейшей литературе вопрос о ней поднимался неоднократно⁹. И, пожалуй, лишь М. Ф. Хенди удается охарактеризовать ее наиболее полно. Это был серебряный слиток или равная ему по стоимости сумма серебряных монет. Судя по весу слитка (около 200 г), М. Ф. Хенди отождествляет его с новгородской гривной. Ученый выдвигает концепцию, по которой слиток-гривна выступает как фракция крупной денежной единицы (весом около 2 тыс. г), распространенной в Китае, Монголии, Персии и Армении (р. 547—551).

В конце книги М. Ф. Хенди излагает, по его определению, предварительные наблюдения (р. 553—669). Исследователь реконструирует механизм товарно-денежного обмена и показывает, что не торговля, а особенности фискальной организации и бюджета Византии обусловили специфику функционирования денежной системы и ее упадок (р. 599—600). Для М. Ф. Хенди очевидна необходимость исследования механизмов распределения денежных средств на территории государства и воздействия монетной эмиссии на ценообразование.

Монография М. Ф. Хенди снабжена большим количеством карт, схем и таблиц, фотоснимками 630 позднеримских и византийских монет, содержательным научно-библиографическим аппаратом. Книга является фундаментальным обобщением современных научных данных и превосходным справочным пособием.

Ю. Я. Вин

Elbern S. *Usurpationen im spätrömischen Reich*. Bonn: Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Alte Geschichte. 1984. N. 18. 255 S.

Главный акцент исследования, защищенного как диссертация в Западнорейнском Свободном университете, по формулировке автора, приходится не на публично-правовую проблематику позднеантичных узурпаций, а на «фактические обстоятельства» нелегальных приобрете-

ний императорской власти, на «их причины и поводы, силы, которые их поддерживали, и просопографию достигших власти лиц» (S. 6). Если обратиться к последней из задач, которые ставит перед собой Штефан Эльберн, то нетрудно заметить основательность, с которой

⁷ Metcalf D. M. *The Origins of the Anastasian Currency Reform*. Amsterdam, 1969. P. 11—12.

⁸ Metcalf D. M. *Coinage*. . . P. 334; Grierson Ph. *Byzantine Coins*. . . P. 13, 314—316; Bendall S., Donald P. J. *The Later Palaeologan Coinage*. L., 1979. P. 130—131.

⁹ Слепова Т. И. Некоторые аспекты распространения венецианских и генуэзских монет и их подражаний в Восточном Средиземноморье и Северном Причерноморье в XII—XV вв. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXVI. Л., 1986. С. 27—28; Spufford P. *Coinage and Currency // The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. II. P. 816—817; Metcalf D. M. *Coinage*. . . P. 332—333.

в книге представлены всевозможные аспекты просопографии узурпаторов (S. 88—104). Суммированные данные об их этническом и социальном происхождении с несомненностью свидетельствуют, что происхождение это было разным. Безусловно интересен и вывод, что решающее значение при инсurreкции узурпатора было, однако, не его происхождение, а должность, которой он обладал. Эльберн также обращает внимание на возраст узурпаторов и на их брачные связи (как правило, отражавшие стремление сблизиться с правящей династией). Имеется в монографии и своеобразный перечень видов смерти узурпаторов, судеб их близких и приверженцев, — за малым исключением, очевидно, не столь уж значимый для проблематики исследования. Здесь Эльберном систематизированы: смерть в борьбе, убийство, самоубийство, казнь, изувечивание трупов узурпаторов и т. п. (S. 131—143).

Просопографические данные, пронизывающие фактически все исследование, делают его полезным справочником для антиковеда и византиниста, занимающегося проблемами социальной и политической борьбы конца III—середины V в. Но не этот не столь уж редкий в работах западных исследователей аспект обращает прежде всего внимание на книгу Эльберна, а ее метод, характер анализа такого сложного явления, как узурпация верховной власти в поздней Римской империи.

Историографического очерка проблемы в книге фактически нет; приведено лишь несколько примеров полемики вокруг критериев легитимности императоров. Тем более читатель вправе ожидать не только оригинальной интерпретации в общем-то хорошо известных фактов одного из самых заметных явлений политической жизни поздней античности, каковым были узурпации, но и всестороннего анализа этого явления.

Что касается характера анализа, то Эльберном явно предпринята попытка не столько исторического, сколько социологического разбора нелегитимных инсurreкций. Их краткое последовательное (в хронологическом порядке) описание (глава 2) в этом отношении ничего не меняет. В монографии при разборе конкретных деталей «анатомии» узурпаций также нет основательного анализа зачастую довольно скудных данных источников. Это сразу сказывается на качестве ряда положений: например, инвективы в адрес узурпаторов, очень часто содержащиеся в источниках, получают в книге значение исторического факта. Отсюда личные недостатки Константа (алкоголизм и гомосексуализм) как причины недовольства императором приравняются по своей значимости к его ошибкам в принятии политических решений (S. 42); личные мотивы, побуждавшие тех или иных лиц к захвату власти, — честолюбие и страх наказания (на эти мотивы, как видно из монографии, авторы источников обращали пристальное внимание) — ставятся в один ряд с внутри- и внешнеполитическими причинами узур-

паций (S. 53—59, 145). Подобные просчеты тем более непонятны, что Эльберн выделяет специальный раздел для рассмотрения оценки античными авторами личных качеств узурпаторов. «Чтобы иметь возможность осознать действительные черты их характера и получить объяснение „тирановой“ топики» (S. 110—116). Правда, этот раздел содержит лишь хронологическое перечисление правителей такого толка и сохранившихся в источниках конкретных обвинений в адрес каждого из них. По сути дела единственным аналитическим моментом данного раздела является суждение: «Если не принимать во внимание упомянутые в адрес „тиранов“ типические качества, то выявляется существенно более дифференцированная картина характеров и способностей позднеантичных узурпаторов». Эльберн на своем материале не только не пытается проанализировать черты критики императоров современниками (опираясь, например, на методiku таких серьезных западногерманских исследователей как И. Штрауб или Ф. Тиннефельд), но не проводит даже элементарной ранжировки подобных критических суждений, — в зависимости от характера как источника, так и инвективы. Возможно, если бы Эльберн применил такую методику, то факты причин узурпаций и поводов к ним предстали бы в несколько ином свете, нежели их интерпретация в монографии.

Эльберн считает возможным различать узурпации крупные и малые (по продолжительности существования и масштабу их угрозы для легитимных правителей), а также узурпации до династии Феодосия I и борьбу за власть в 375—455 гг. (S. 38, 40, 117—125). В последнем варианте, по мнению исследователя, целью честолюбцев была не корона, принадлежащая, как правило, den Kinderkaisern, а высшие военные и гражданские должности империи. В целом же, считает Эльберн, узурпации были «реакцией определенных общественных групп на кризисные ситуации, преодоление которых иным путем казалось невозможным» (S. 41; ср.: S. 53, 144). С данным положением, взятым в отрыве от контекста монографии, трудно не согласиться. Однако вопрос в том, что понимает Эльберн под сутью кризиса империи, как он рассматривает движущие силы и опору узурпаций.

Их источником, по Эльберну, являлись как «отдельные неполадки», так и «общее недовольство» правительством и личностью императора. В последнем случае движущими силами узурпаций большей частью оказывались «несколько общественных групп», что иллюстрируется в книге двумя примерами — выдвижением Магненция против Константа и Магна Максима против Грациана. В качестве «нескольких сил», объединившихся в «широкий фронт» (?) против императоров, Эльберн называет в первом случае армию, «провинциалов» и сенат. во втором — армию и сенат (S. 42—43). Что же объединило эти силы, вызвало «общее недовольство» и «серьезнейший кризис»

(ср.: S. 144)? Эльберн апеллирует непосредственно к мнению авторов источников и называет в первом случае уже упомянутые выше негативные личные качества императора, тираничность его правления, ошибки в назначении наместников и дружественную политику в отношении церкви (что, мол, и оттолкнуло от Константа сенат). Во втором случае выявляется страсть Грациана к охоте, особые prerogative его аланских телохранителей, удаление им алтаря Виктории из курии и его отказ от титула великого понтифика (правда, в весомость конфессиональных мотивов в данном случае Эльберн не очень верит). Автор не только не анализирует подобные сведения источников, но сравнивает их, но и не отдает приоритета каким-либо из названных причин недовольства перед другими.

Правда, здесь Эльберн не всегда последователен. Например, внешнеполитическую угрозу как причину возникновения «тирании» в каком-либо регионе империи он не выводит слепо из показаний тенденциозных источников. Другое дело, что «узурпации на почве внутривнутриполитических проблем» рассматриваются уже после разбора внешнеполитического фактора. Тем не менее Эльберн справедливо указывает на превалирование среди внутривнутриполитических мотивов «экономических затруднений» над «общеполитическими» (S. 47). Но толкование этих «затруднений» вызывает недоумения. Например, в качестве основной причины движения багаудов и соответственно выдвигания Аманда и Элиана называются германские вторжения и частые битвы «солдатских императоров» в Галлии, обусловившие ухудшение экономического положения «сельского населения» (там же). Упоминание тяжелых налогов как причины движения и замена неопределенного термина «сельское население» более точным «обедневшие крестьяне» имеет место уже в другом разделе книги (S. 66). Мятеж Домициана трактуется как реакция «населения Египта» на эдикт от 31 марта 287 г., лишивший налоговых привилегий «высшие слои» страны (ср.: S. 11—12, 48, 59). Непонятно, идет ли речь о солидарности высших слоев и прочего населения Египта или об их идентификации? Мятеж Фирма, по мнению Эльберна, нашел поддержку в стране, так как «население Мавритании» было недовольно налоговыми тяготами. Но в других разделах книги, когда речь идет о движении Фирма, автор создает впечатление о сугубо политическом характере борьбы в Африке и интригах, в ходе которых мятежник сумел опереться на римские контингенты Мавритании и племенное ополчение (S. 26, 62, 71).

Отмечу, что Эльберн стремится отделить общественные группы, непосредственно поддерживавшие узурпаторов, от групп, на которые последние опирались в ходе своего выдвигания. Если кризисная ситуация, по Эльберну, определяла характер сил, стоящих за фактом узурпации, то масштаб ее зависел от общественных групп, на которые она опи-

ралась в дальнейшем (S. 59). Подобное распределение акцентов представляется во многом искусственным. Например, описание мятежа того же Фирма, когда в разделе о силах «выдвигающих» автор ведет речь о силах «поддерживающих», показывает нечеткость логики Эльберна. Вообще возможных опор узурпаторов он насчитывает восемь: провинции, армия, высший командный состав армии, гражданские инстанции, низшие слои населения, религиозные группы, этнические группы и «германцы». Позитив, по которым эти общественные образования хотя бы частично совмещались, взаимопроникали, Эльберн не разбирает. Более того, он совершенно ясно пишет, например, о провинциях или префектурах как самой широкой базе власти узурпаторов, об армии — как об опоре, способной поддержать императора как самостоятельно, так и с «гражданскими силами» провинций, и отдельно — о «почти бессильных гражданских группировках» (имеются в виду придворные и сенат), крайне редко обеспечивавших узурпацию (S. 59—63, 65—66, 145—146).

В связи с этим следует специально отметить, что Эльберн достаточно вольно обходится с марксистскими работами, где уделяется пристальное внимание социальной подоплеке политических переворотов III—V вв. Хотя статья Г. Л. Курбатова о восстании Прокопия и находится в списке литературы книги, но мнение советского специалиста о характере этого движения подано через ссылку на работу М. Саламона (S. 67, 180, 232). Игнорируя выводы Г. Л. Курбатова об ориентации Прокопия на часть сенаторов и куриалов, Эльберн преподнес марксистскую точку зрения как ориентированную лишь на выделение роли *die Unterschichten* в подобных движениях. Крайне слабо использованы в книге выводы исследований А. Р. Корсунского и историков ГДР о багаудах. Монография Е. М. Штаерман, содержащая детальный разбор подоплеки переворотов III в., Эльберном не привлекается. Вульгаризация и попросту игнорирование точек зрения ученых из социалистических стран, видимо, только одна из причин тезиса Эльберна о «слабой убедительности» попыток марксистских историков показать связь между узурпациями и низшими слоями населения (S. 66—67, 146).

По моему мнению, метод Эльберна дает осечку в самом стремлении рассмотреть движущие силы и опору узурпаций как некую множественность факторов. Содержание следующего раздела монографии — *Der Vorgang der Usurpationen* — также определяется сегментацией вынесенного в заголовок явления. Эльберн фиксирует «составные части» процесса узурпации: благоприятный момент для нее (как, правило, — пребывание легитимного правителя вдали от района узурпации), ход выдвигания узурпатора, инсигнии, две формы приемов для получения признания у легитимных государей (чеканка монеты с соответствующей легендой и посольства), пять форм

реализации признания. . . . Материал, который, будучи взят в комплексе и взаимосвязи, мог бы послужить основанием для интереснейших наблюдений над внутренней политикой отдельных групп узурпаторов, в расчлененном виде (опять-таки без скупрулезного в каждом отдельном случае анализа источников) очень часто не идет дальше безликого перечисления тактических приемов пропаганды этих правителей.

Слабое внимание Эльберна к законодательству того периода и отсутствие анализа данных публицистики не дают ему возможности в материальных интересах армии видеть что-либо иное, кроме жажды солдатами донативы и эффективного руководства (S. 61—63). Совершенно не поднят вопрос об отношениях узурпаторов к городам, к муниципальной знати, хотя даже представленный в книге материал о наказании приверженцев неудачливых узурпаций дает почву для размышлений на этот счет (S. 139—143).

Между тем стремление автора рассматривать среди движущих сил узурпаций прежде всего материальные факторы — как внешние, так и внутренние, — и лишь затем религиозные противоречия, династические, личные и т. д. не должно создавать впечатление о приоритете в глазах Эльберна этих факторов. Дело в том, что описание общественных сил, поддерживавших узурпаторов, в книге завершается выводом о решающем влиянии династической идеи, в конечном счете и определяющей успех узурпаций. Основной аргумент такого вывода состоит в констатации факта достижения признания и сохранения трона до самой смерти лишь тремя позднеантичными узурпаторами — Константием I, Юлианом и Валентинианом II (которые смогли апеллировать к династической легитимности). Я далек от мысли вообще отрицать влияние династических принципов на прочность верховной власти в тот период, но то, что названные трое императоров не были свергнуты другими узурпаторами,

а кончили жизнь иначе, еще не означает, что «владения делыми провинциями и префектурами обычно не было достаточно для длительного обеспечения власти», а «идеальный момент принадлежности к правящему дому был сильнее, чем материальные средства власти» (S. 74). В списках, приведенных Эльберном, немало узурпаторов, удерживавших корону дольше, чем Юлиан или иные, совершенно легитимные правители того времени.

И еще одно замечание. В книге констатируется особенная частота позднеантичных узурпаций в галло-британском регионе, меньшая — в Италии и Восточной империи, совсем незначительная — в Африке и Иллирии. Интенсивность случаев узурпаций автор выводит в первую очередь из размера внешнеполитической угрозы для конкретного региона и экономических тягот его населения. За исключением вышеназванных, других подходов к анализу региональных особенностей узурпаций в книге нет. Между тем привлечение данных о специфике развития западно- и восточно-римской сенаторской знати (см., например, труды М. Арихейма, Дж. Мэтьюса и др.), видимо, не сделало бы таким категоричным вывод Эльберна о потере сенатом (каким?) всякого влияния на выборы императора (S. 65, 144). Не дифференцируется в книге не только по социальному, но и по региональному принципу позднеимператорская армия.

Таким образом, методика Эльберна, предусматривающая расчленение явления на возможно большее число составляющих и отдающая предпочтение плюрализму факторов в развитии явления при очень слабом синтезе полученных в результате такого «препарирования» данных и фактическом отсутствии анализа политически и социально тенденциозных источников, к плодотворным результатам не приводит.

А. С. Козлов

P a b s t A. *Divisio regni: Der Zerfall des Imperium Romanum in der Sicht der Zeitgenossen*. Bonn, 1986. XI. 491 S. (Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Alte Geschichte. N. 23).

Исследование А. Пабст — слегка переработанный вариант диссертации, защищенной летом 1985 г. в университете Эрлангена, — является, по сути дела, первой крупной специальной работой в послевоенное время, посвященной некоторым аспектам сложной темы о политических разделах Римской империи в позднеантичную эпоху. При анализе проблемы А. Пабст опирается не только на широкий круг источников, но и на большое количество работ предшественников¹. В этом плане исследование А. Пабст можно считать добротной критической систематизацией как ряда позд-

неантичных государственно-правовых концепций, так и изысканий современной историографии в этой области истории Поздней Римской империи. В самом деле, именно наличие в историографии широкого спектра оценок политических разделов Римской империи в IV и VI вв. привело автора к постановке следующего парадокса: «Возможно, события, которому посвящено данное исследование, никогда не было. Возможно, именно оно было поворотным пунктом и вехой на пути человека от поздней античности к раннему средневековью. Возможно, оно относится в качестве эпохальной даты

¹ Хотя при исчерпывающей библиографии А. Пабст не удалось избежать мелких досадных упущений. Например, неиспользованной оказалась сравнительно новая работа: *Klein D. Die Kämpfe um die Nachfolge nach dem Tode Constantins des Grossen // BF. 1979. Bd. 6. S. 101—150.*